

A tropical beach scene with a large palm frond in the foreground on the left. In the background, a person stands on yellowish rocks near the turquoise sea. A small island is visible on the horizon under a clear sky. The text is overlaid on a semi-transparent grey band.

МИР + ОСТРОВ

АЛЕКСЕЙ СУХАРОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Сухаров

Мир + Остров

«Автор»

2016

Сухаров А.

Мир + Остров / А. Сухаров — «Автор», 2016

Мир и Остров – два жизнеутверждающих рассказа, написанных Алексеем во второй половине 2016 года. Будучи абсолютно разными по форме и содержанию, рассказы объединяются в единое целое благодаря общей теме. "Мир" и "Остров" застают своих героев в момент преодоления трудностей, указывают путь вверх после падения на дно и напоминают о том, что на смену ночи обязательно приходит рассвет. Содержит нецензурную брань.

© Сухаров А., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Остров	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Алексей Сухаров

Мир + Остров

Остров

Солнце бьет в глаза так, что действует на нервы, а с подмышек стекает кислый пот, испаряясь чуть ли не с шипением и обжигая кожу. Ваня раздражен до скрипа в зубах, и не только поэтому: он – третий день в завязке.

Пешую прогулку нельзя отменять. Огибать остров, подставляя гудящую, как улей, голову под апокалипсический зной будет непросто, но и усидеть на месте больше не получится. Ваня отрывает запревшую задницу от бамбуковой скамеечки, отряхивает шорты от растительной пыли и, крихтя и вздыхая, выходит из бунгало. Мокрый след на Ваниной пятой точке выглядит так, будто его минутой назад отпечатали с помощью бонго, щедро политым оливковым маслом.

Затекшие ноги еле волокут его размякшее, отяжелевшее тело по белому, рассыпчатому, теплому, как внутренности тапира, песку. Ваня болезненно кашляет, заглядевшись на безоблачное тропическое небо, и тут же в его рот норовит залететь большая, жирная, блестящая муха. Он в панике отмахивается от нее: никак ядовитая, или разносит паразитов, или вовсе откладывает яйца не иначе как в желудке таких неуклюжих пришельцев, как он.

Ванины ступни рассекают песчаную гладь всего минуту, а он уже смертельно устал. Банда накалилась так, что на ней впору готовить омлет из яиц такахе. Заметив неподалеку растущую пальму, Ваня уныло бредет к ней и прислоняется спиной к ее шершавой, пупырчатой коре. Милый фиолетовый попугайчик в кроне пальмы что-то бормочет на языке Тонга и следом спускает на плечо изможденного путника вонючую кашицеобразную струйку. Вышедший на прогулку Ваня чувствует на сгибе рубашки неестественное тепло и с отвращением стряхивает птичкины отходы. Был бы Ваня биологом, он бы определил по непереваренным семечкам, что этот милый попугайчик ел на завтрак, но он не биолог, и ему не до этого. Ваня хватается лежащий под пальмой камушек и, прицелившись в фиолетовое оперение бормочущего засранца, с силой запускает снаряд в крону дерева. Выстрел оказался неточным, попугайчик испугался и взлетел, но сообразив, что тревога ложная, решил не оставаться в долгу и гаркнул на чистом британском английском:

– FOOL!

Обложенный словесным и материальным дерьмом, утирающий пот с лица Ваня приходит к выводу, что день начался не самым приятным образом, но иначе, кажется, и не бывает, по крайней мере, в тот период, пока недавняя завязка пуще всего дает о себе знать. Тень от пальмы на мгновение укрывает пришельца от неумолимо плывущего к зениту солнца, и Ваня использует момент, чтобы впервые за утро взглянуть на дышащий приливом океан.

Волны вздымаются выше обычного, и, отражая солнечные лучи, как будто гипнотизируют. Ваня неотрывно следит за их угрожающей амплитудой и невольно представляет, что, окажись он сейчас на самой кромке берега, где вчера загорал, его бы унесло в пучину, к археиутисам и кашалотам; зеленые черепахи таскали бы его тело на своих резных, как деревянные ставни, панцирях; рак-отшельник сделал бы из его черепной коробки удобное логово; гигантские цианеи проталкивали бы через его кишечник свои мерзкие, как корейская лапша, щупальца, соленая океанская вода раздула бы его пузо до размеров оградительного бую, а фугу, почуяв опасность от его синюшной промежности и вытарашив иголки, взорвала бы его живот, полный пены, и он пронесся бы по маршрутам Колумба, Магеллана и Кука как осьминог на реактивной тяге, как лопнувший воздушный шарик.

Ванины глаза, от представшей в его же мозге чудовищной галлюциногенной картины, наполняются слезами, и он даже было разлепил потрескавшиеся губы, чтобы, как ребенок, отчаянно, будто в последний раз, закричать, зареветь, побагроветь от раздирающих изнутри обиды и ужаса. Но русский Ваня вовремя приходит в себя; разве что во рту, от воображаемой солености океана, пересохло, а прожилки на его нёбе вздулись, как вздымается глина Атакаммы от векового зноя. Бедняга понимает, что жажду нужно утолить, чем скорее, тем лучше. Ваня отрывает рубашку от шершавой коры пальмы, подтирает след от завтрака попугайчика ее листом, и, одолеваемый засухой, быстрым шагом, несмотря на почти зыбучий песок под ногами, направляется к западной оконечности острова, называемой местными обитателями Мысом Торговли. Вдруг Ваня резко останавливается и со страхом опускает глаза на свой пупок: хорошо ли завязан воздушный шарик, в случае чего?

По-прежнему ошарашенный пережитой, возникшей в его сознании кошмарной фантазмагорией, Ваня пытается сообразить, что же вызвало у него такое помутнение рассудка. Голову через бандану напекло? Фата-Моргана как следствие обезвоживания? Или же, пока он спал, пожилой индеец с томагавком в зубах все-таки затолкал ему под язык шляпку псилоцибе? Ваня не может сказать наверняка; единственный неоспоримый факт – он третий день в завязке, а этот день, и это известно любому, кто хоть с чем-нибудь завязывал, самый трудный для избавляющегося от продолжительной интоксикации организма.

Мыс Торговли уже показался вдали, и Ваня, успокоившись, снова заглядывается в сторону океана, стараясь, тем не менее, не акцентировать внимание на кружащие голову приливные волны. Вдалеке, на стремящихся к берегу потоках, взлетают и падают молодые, подтянутые, загорелые, как с обложек журналов, парни-серфингисты: итальянцы и испанцы, греки и австралийцы. Ваня с завистью смотрит на них и исполняемые ими трюки. Нет, он переживает не потому, что его волосы не насколько густые, щетина не настолько сексуальна, а грудь не настолько гладка и рельефна; не потому, что они являются счастливыми обладателями ровного, бархатного загара, а он только вчера лег под лучи ближайшей звезды (и как рисковал!); не потому, что их крепкие, как стволы бонгосси, брюшные мышцы различимы за сотни метров, а его пресс не найдут и на столе патологоанатома; и даже не потому, что они без видимых усилий справляются с доской на волнах, а ему и двухсот метров не пробежать без подозрения на инфаркт миокарда; нет, он завидует потому, что они в завязке уже недели две, и потому прекрасно себя чувствуют, а его мучения – в самом разгаре печально известного третьего дня.

Ваня уже как будто и привык к столь буйному разнообразию острова. Белым шумом отдавались в его барабанных перепонках десятки языков, сотни диалектов и тысячи акцентов прилетающих сюда людей; он как будто и не замечал диковинную, словно собранную со страниц энциклопедий по ботанике и зоологии, флору и фауну, по крайней мере, до тех пор, пока она, фауна, не какала ему на рукав или не летела в рот; плевать Ваня хотел на смеси западных и восточных, северных и южных деликатесов, пряностей и соусов. Быть может потом, думает единственный русский на этом Богом забытом, но превращенном людьми в рай, клочке земли, когда он выйдет из сумеречного состояния ломки, каждый элемент острова покажется ему преисполненным смысла, но пока он в завязке, и завязка эта плотным узлом сдавливает его горло, петель самоубийцы тянет его душу куда-то вверх, оставляя тело с выпученными глазами и рвущимися голосовыми связками безучастным ко всему происходящему и, парадокс, неврастенически реагирующим на любое влияние извне.

И когда до Мыса Торговли остается всего с десятков метров, а Ване, проходящему мимо последних зарослей перед откосом в море, уже мерещится волшебная бутылочка с пресной водой, случается то, что совсем выбивает пришельца из колеи. В голову Вани ударяет, как хук тайского боксера, страшный, нечеловеческий рык, вылетевший, подобно пуле, из тропической опушки. Русский Иван пугается настолько, что на его шортах вновь отчетливо проявляется мокрый отпечаток, а след от попугайчика начинает вонять еще сильнее. Ваня готовится уви-

дети выходящего из зарослей лигра или, на худой конец, гризли, но всмотревшись, понимает, что эти пугающие звуки издают, всего-навсего, три новозеландца, исполняющие хака, а четвертый, судя по цвету кожи, некоренной маори, разминается рядышком с овальным мячом из некачественно обработанной кожи овцебыка, из-за чего мяч напоминает скорее кокосовый орех, чем спортивный инвентарь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.